

Информационное сопровождение номера

Contents

Abstracts of Main Articles

Аннотации основных статей

Клара Мироновна Канюк

103

104

105

107

Редакционная коллегия:

А. Ю. Мелентьев (главный редактор), кандидат экономических наук; *С. А. Батчиков*, кандидат экономических наук; *Ю. Ю. Болдырев*, кандидат экономических наук; *Ю. Б. Винслав*, доктор экономических наук, профессор; *С. Ю. Глазьев*, действительный член РАН; *Р. С. Гринберг*, член-корреспондент РАН; *Р. Р. Гумеров*, кандидат экономических наук, доцент; *В. Е. Дементьев*, доктор экономических наук, профессор; *Д. Н. Земляков* (заместитель главного редактора), доктор экономических наук, профессор; *В. Т. Иванов* (заместитель главного редактора), кандидат экономических наук, доцент; *В. О. Исправников*, доктор экономических наук, профессор; *В. В. Куликов*, доктор экономических наук, профессор; *А. Б. Любинин*, доктор экономических наук, профессор; *А. А. Масленников*, кандидат экономических наук; *Ю. А. Петров*, кандидат экономических наук; *А. А. Пороховский*, доктор экономических наук, профессор; *Б. Н. Порфирьев*, член-корреспондент РАН; *Г. Г. Чибриков*, доктор экономических наук, профессор; *А. Н. Швецов*, доктор экономических наук, профессор; *А. А. Шулу*, доктор экономических наук, профессор; *Р. А. Яковлев*, кандидат экономических наук; *Ю. В. Якутин*, доктор экономических наук, профессор

Адрес редакции:

125319, Москва, ул. Черняховского, 16
Телефон: (499)152-74-63

Адрес в Интернет-сети: www.re-j.ru
e-mail: re-j@ideg.ru

Регистрация: Министерство связи и массовых коммуникаций РФ,
ПИ № ФС 77-44043 от 1 марта 2011 г.

Центр допечатной подготовки ИД «Экономическая газета»
Оригинал-макет и компьютерная верстка *Н.И.Талаловой*
Подп. в печать 07.05.2014. Формат 70x100 1/16. Бум. офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Объем 10,7 уч.-издл. Тираж 1800 экз. Заказ 2972.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор».
142300, Московская область, г.Чехов, ул. Полиграфистов, 1.
Сайт: www.chpd.ru e-mail: sales@chpd.ru
тел. 8(496) 726-54-10
Цена свободная

ЭВОЛЮЦИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Общий ход реформы

В ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗРАБОТКИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ УЧЕНЫМИ СЕКЦИИ ЭКОНОМИКИ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

Речь идет о продолжении адресуемой непосредственно высшему политическому руководству страны (и по возможности отслеживаемой редакцией журнала) разработки, потенциальная практическая значимость которой (как и имеющихся аналогичных разработок других идейно оппонированных рыночному фундаментализму отечественных научных центров) буквально с каждым днем высвечивается все более многоаспектно и нюансированно [к примеру: если в ближайшее время не будет, наконец, «реверсирован» реализуемый и в течение последних 14 лет радикально-либералистский по своей сути экономико-управленческий курс, противоречащий официальной державно-патриотической риторике¹ и, согласно одному из оценочных суждений, превращающий современное российское государство в «машину по разворыванию («амальгамой» чиновников и «олигархов») советского и «данного Богом» наследия России (с легализацией наворованного в виде частных богатств в фешенебельных странах)², то даже крымское расширение ареала этого государства, без-

¹ Среди «свежих» проявлений такой противоречивости, которую в течение четырнадцати лет пытается «мониторить» редакция «Российского экономического журнала» [см. в связи с этим публикацию, посвященную первому, 2000-го года, президентскому посланию второго постсоветского политического цикла: Глазьев С., Батчиков С. Что сулит углубление либералистской реформы в России? (Прогнозные соображения в контексте отечественного и аргентинского реформационного опыта). — 2000. — № 7], — осуществленная в духе спецоперации и губительная минимум для остатков отечественной фундаментальной науки «модернизация» РАН [см.: По поводу «реформирования» РАН и других государственных академий наук (размышления и оценки О. С м о л и н а и А. Ф р о л о в а). — 2013. — № 3; Ш в е ц о в А. Российская академия наук — очередной этап разрушительных реформационных преобразований. — 2013. — № 4], принятой не просто рестрикционных, но и (впервые в постсоветской истории после 1997-го «предефолтного» года!) секвестрированных бюджета-2014 и бюджетной трехлетки-2014—2016 (см.: П е т р о в Ю. К формированию новой экономической модели: рестрикция бюджетных расходов или повышение собираемости налогов? — 2013. — № 4; Д м и т р и е в а О., Г р а ч е в И., П е т у х о в а Н., У ш а к о в Д., Ш в е ц П. Пояснительная записка к проекту Альтернативного федерального бюджета на 2014 год. — 2013. — № 6) и переход к «голой» (не сопровождаемой даже допускаемыми законодательством ВТО мерами нелибералистского характера) девальвационной схеме регулирования стагнирующей второй год экономики (см.: В и н с л а в Ю. Провальной истории-2013 — очередной импульс к смене экономико-управленческих стратегий. — 2014. — № 1; Д е л я г и н М. Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления. — Там же) с «букетом» соответствующих следствий, включая всплеск инфляции (согласно росстатовским оценкам, рост потребительских цен в России в первом квартале 2014 г. оказался в 23 раза, а продовольственных — в 40 раз выше, чем в ЕС) и тотальный отток из страны капиталов (за три месяца текущего года он составил 63 млрд. руб., что равно оттоку за весь прошлый год, а годовой прогноз — не менее 100 млрд.)

словно позитивное по геополитическим и историко-духовным критериям, может обернуться социально-экономическими разочарованиями³. До сих пор результаты этой работы, непосредственно начавшейся в 2011 г., в преддверии «нового старого» постсоветского политического цикла, оформлялись в виде более или менее объемных (статейного-докладного формата) коллективных текстов, подготовленных входящими в секцию экономики Отделения общественных наук действительными членами и членами-корреспондентами РАН, а также сотрудниками профильных институтов академической системы⁴, но к концу февраля текущего года были подготовлены резюмированные в объеме нескольких страниц индивидуальные предложения ведущих академиков-экономистов по ключевым аспектам формирования эффективной стратегии государственного регулирования развития народного хозяйства России. Ниже воспроизводятся соответствующие тезисы четырех действительных членов РАН: директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН **Виктора Викторовича Ивантера**; директора Московской школы экономики МГУ **Александра Дмитриевича Некипелова**; заведующего кафедрой мировой экономики Института новой экономики ГУУ **Олега Тимофеевича Богомолова**; председателя Научного совета по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, конкурентоспособности и устойчивого развития, члена Национального финансового совета, директора Института новой экономики ГУУ **Сергея Юрьевича Глазьева**.

³ Этот тезис, созвучный, кстати, соображениям о причинах пробуксовок в реализации несомненных потенциальных выгод евразийской интеграции (см.: Жуковски и В. «Нефтегазовый «Титаник» на исходе первого года «нового старого» политического цикла // Российский экономический журнал. — 2013. — № 2. — С. 21), аргументируется в послесловии к настоящей публикации.

⁴ См.: Глазьев С., Ивантер В., Макаров В., Некипелов А., Татаркин А., Гринберг Р., Фетисов Г., Цветков В., Батчиков С., Ершов М., Митяев Д., Петров Ю. О стратегии развития экономики России // Экономическая наука в современной России. — 2011. — № 3. Данная наработка дважды обстоятельно комментировалась на страницах «Российского экономического журнала» (причем во втором случае — в контексте ее противопоставления хорошо известному 800-страничному радикально-либералистскому опусу) руководителем авторского коллектива [см.: Глазьев С. Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения ученых секции экономики Отделения общественных наук РАН). — 2011. — № 4; его же «Стратегия 2020» — антимодернизационный документ. — 2012. — № 2], а в своем доработанном варианте стала содержанием следующей его пространной статьи в нашем издании: Глазьев С. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013—2014 годы). — 2013. — № 3 (структура этого текста такова: 1 «Предварительные соображения», 2 «Концептуальные основы предлагаемой стратегии развития и параметры «консервативного» сценария ее реализации», 3 «Создание системы стратегического планирования, ориентированной на обеспечение научно-технологического прорыва. Роль Российской академии наук», 4 «Переориентация налогово-бюджетной политики на цели развития и переход к суверенной денежно-кредитной политике», 5 «Защита экономики от угроз неконтролируемого трансграничного движения капитала. Деофшоризация», 6 «Промышленная политика и управление госактивами», 7 «Внеэкономическая политика и разветвление евразийской интеграции», 8 «Социально-гуманитарный аспект политики развития», 9 «Повышение эффективности системы государственного управления» и 10 «Вместо заключения. Чьи интересы обслуживают доморощенные либертарианцы от экономики?»). В конце 2013 г. появился доклад «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике» под редакцией А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера и С.Ю. Глазьева с участием 25 действительных членов и членов-корреспондентов, представителей секции экономики и другие секции Отделения общественных наук РАН, 12 докторов и кандидатов наук, работающих в академических

В. Ивантер. О текущей экономической ситуации и приоритетах политики развития.
Первое. В 2013 г. прирост ВВП составил 1,3%. Это в три раза ниже, чем в среднем в 2011—2012 гг. (3,8%). Наблюдаемое замедление экономической динамики есть результат не внешних шоков, а прежде всего — снижения объема инвестиций. «Инвестиционная пауза» возникла в первую очередь в связи с тем, что публичные компании с государственным участием («Роснефть», «Газпром», «РЖД», «Ростелеком», «ФСК ЕЭС») завершили ряд крупных инвестиционных проектов, не начиная сопоставимых по масштабу новых. Сдерживающее влияние оказала и высокая стоимость кредитов под оборотный капитал, что проявилось во второй половине года в снижении запасов. Отраслевая структура экономического роста в 2013 г. характеризовалась опережающим ростом финансового сектора, вклад которого в прирост ВВП составил 40,3% (или 0,53 процентных пункта из итогового прироста ВВП в 1,3%); это — одно из свидетельств наметившегося «разрыва» между финансовым сектором и остальной экономикой.

Второе. Низкие темпы являются существенным препятствием для повышения «качества» экономического роста посредством активизации инновационных процессов. Инновации внедряются в экономику в результате инвестиций, а важнейшей характеристикой благоприятного инвестиционного «климата» служит динамичный рост соответствующих отраслей экономики.

При темпах прироста ВВП ниже 2% с большой вероятностью возникают трудности с поддержанием сложившихся стандартов жизни населения, поскольку вынужденные расходы на ликвидацию последствий техногенных катастроф, на аварийные ремонты, которые обусловлены критическим устареванием жилищного фонда, инфраструктурных объектов, основного капитала многих секторов экономики, составляют 1—2% ВВП.

Выход на темпы прироста ВВП в 2—3% тоже не может рассматриваться как «обретение утраченного динамизма». Об этом свидетельствуют неудовлетворительные оценки социально-экономических итогов консервативного сценария прогноза долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., разработанного Минэкономразвития России.

Третье. Ускорение экономического роста является не только необходимым, но и возможным. По нашим оценкам, восстановление номинальных объемов инвестиций публичных компаний с государственным участием до уровня 2012 г. позволит в условиях 2014 г. повысить темпы прироста ВВП до 3,2—3,5%.

Ускорение экономической динамики должно стать результатом прагматической концентрации усилий на решении конкретных социально-экономических задач. Например, удвоение к 2020 г. ежегодных вводов жилья в сравнении с текущим их уровнем позволит повысить среднегодовые темпы прироста ВВП в 2016—2020 гг. примерно на два процентных пункта. Активизация процессов импортозамещения на рынках машиностроительной продукции может дать еще от 0,5 до 1,0 процентного пункта.

Как масштаб стоящих перед страной задач, так и ресурсные возможности экономики позволяют перейти в режим развития, которому соответствуют среднегодовые темпы прироста ВВП в 5,0—5,5% в 2014—2030 гг., а в среднесрочной перспективе (2014—2020 гг.) они могут достигать 6,0—8,0%.

вающих производствах в целом не превышает 60% (в машиностроении — 55, в производстве строительных материалов и химическом производстве — 65%). Основная часть мощностей, введенных в действие в 2008—2012 гг. в металлургии, индустрии стройматериалов, химическом производстве и машиностроении, были ориентированы на внутренний рынок. Они способны обеспечить положительные мультипликативные эффекты от реализации инфраструктурных проектов и жилищного строительства.

Пятое. Значительный импульс экономическому росту и структурно-технологической модернизации российской экономики могут дать проекты развития оборонно-промышленного, авиакосмического и атомного комплексов. Последние составляют основу высокотехнологичного сектора российской экономики, не уступают ведущим зарубежным производителям по качеству продукции и имеют опыт успешной конкуренции на мировых рынках. Развитие указанных комплексов сопряжено с потоком инноваций и технологий двойного назначения, с генерированием положительных мультипликативных эффектов и расширением спроса на НИОКР.

Поскольку, как уже отмечалось, существенный вклад в экономический рост способно внести увеличение масштабов строительства жилья и объектов инженерной инфраструктуры, имеющиеся в этой сфере благоприятные ресурсные возможности следует поддержать усилиями по формированию необходимых нормативно-правовых и финансовых предпосылок. Фактором, сдерживающим рост цен на жилье, может послужить финансирование развития инженерной инфраструктуры из муниципальных бюджетов.

Крупные инфраструктурные проекты (связанные, в частности, с прокладыванием скоростных и высокоскоростных железных и шоссейных дорог) не только характеризуются отмеченными значительными мультипликативными эффектами и не просто способствуют повышению технологического уровня российской экономики: они, главное, «уплотняют» пространство, создают условия для более эффективного взаимодействия хозяйствующих субъектов, разделенных большими расстояниями. Значимый результат реализации крупных проектов также — формирование строительных организаций, обладающих серьезными мощностями и ценным опытом. Традиционные же процедуры инвестиционного анализа не учитывают такого рода потенциал инфраструктурных проектов в расширение возможностей развития, а следовательно, занижают их народнохозяйственную эффективность.

Шестое. Оценка обеспеченности экономики трудовыми ресурсами (выявление дефицита или избытка) существенно зависит от представлений о перспективной динамике эффективности их использования. Отставание РФ от развитых стран по уровню производительности труда определяется не только собственно технологическими факторами: больше половины разрыва детерминирована избыточной занятостью и низкой серийностью производства, негативный эффект которых, однако, может быть сведен к минимуму в режиме динамичного роста, основанного на активизации инвестиций и инноваций. Доля затрат на оплату труда в структуре издержек промышленных предприятий в 2009—2012 гг. стабильно снижалась, а рост оплаты труда будет стимулировать сокращение избыточной занятости, что дополнительно актуализирует проблему создания новых рабочих мест для снижения рисков безработицы.

ния в ВВП страны можно увеличивать, не снижая уровня потребления, поскольку норма сбережения в полтора раза превышает норму накопления. Однако коммерческим банкам не хватает денег не только на масштабные инвестиционные проекты, но и на кредитование текущего оборота. В связи с этим государство призвано расширить возможности кредитования экономического роста с помощью системы рефинансирования банков, развитие которой важно дополнить широким задействованием механизмов проектного финансирования (тогда растущее предложение денег не станет проинфляционным фактором).

Восьмое. Согласно нашим оценкам, вклад монетарных факторов в инфляцию ныне не превышает 30%; значительное воздействие на рост цен оказывают конъюнктура мировых рынков сырья, изменение валютного курса и динамика тарифов инфраструктурных монополий. В таких условиях переход к таргетированию инфляции, включающий свободное курсообразование, сопряжен с серьезными макроэкономическими проблемами.

Неустойчивость валютного курса повышает риски инвестиционных решений, параллельно ухудшая условия текущей хозяйственной деятельности предприятий, и борьба с немонетарной по своему характеру инфляцией монетарными методами чревата лишь новым обострением дефицита ликвидности в экономике и усугублением нехватки собственных финансовых ресурсов в большинстве обрабатывающих производств, в сельском и жилищно-коммунальном хозяйствах, в инфраструктурных отраслях.

Девятое. Дебатируется небызвестная дилемма касательно ключевой установки бюджетной политики: «меньше тратить» или «больше зарабатывать». Но без дополнительных расходов в экономике в общем случае не бывает дополнительных доходов; очевидно и то, что сокращение бюджетных расходов, прежде всего инвестиционных, на этапе резкого замедления экономического роста не предотвращает дальнейший спад, а наоборот, гарантированно его провоцирует.

Принятые ограничения по использованию нефтегазовых доходов с учетом приоритетности социальных обязательств перед другими видами расходов не позволяют превратить бюджет в действенный инструмент экономического развития. Наша позиция такова, что регулярные доходы должны формировать базу для регулярных расходов бюджета (социальная сфера, обеспечение безопасности и т.п.), а остальные расходы, прежде всего — инвестиционного характера, следует признать переменными и финансировать в том числе за счет доходов от благоприятной внешнеторговой конъюнктуры (при необходимости — посредством заимствований на внутреннем рынке). Это позволило бы выделить в бюджете текущую и инвестиционную «бюджет развития» составляющие.

Десятое. В отношении постоянных попыток связать развитие экономики с ее реформированием важно отметить, что само по себе несовершенство институциональной и нормативно-правовой среды не является достаточным основанием для того, чтобы ставить в центр экономической политики проектирование и реализацию соответствующих реформ. Институциональные реформы должны носить «подчиненный» характер и быть прагматично направленными на изменение тех нормативно-правовых и организационно-хозяйственных особенностей российской эко-

А. Некипелов. Об эффективном распоряжении государственными активами. Российское государство остается крупным собственником, в том числе обладателем значительных, в ряде случаев контрольных, пакетов акций. При этом «государство-регулятор» (государство в качестве субъекта экономической политики) и «государство-собственник» слиты воедино в лице исполнительной власти. Это создает предпосылки для возникновения конфликта интересов: как регулятор экономической жизни исполнительная власть заинтересована в обеспечении условий для устойчивого и эффективного развития российской экономики в целом (включая социальную сферу), а как действующий в условиях рыночной экономики крупный собственник — в максимизации отдачи от имеющегося у него капитала.

Радикальное решение упомянутого конфликта исполнительная власть видит в широкомасштабных приватизационных акциях в отношении принадлежащих государству активов. При этом мотивы новой «большой приватизации» формулируются крайне нечетко: упор то делается на необходимость пополнения бюджета, то на решение проблем системного характера, причем в обоих случаях аргументация правительства представляется явно недостаточной. Фискальный подход к приватизации может быть оправданным только в том случае, если, во-первых, очевидным является устойчивый структурный дефицит государственного бюджета, а во-вторых, имеется полная ясность в отношении того, каким образом доходы от приватизации могут помочь его (дефицита) преодолению.

Акцентированное внимание уделяется технической стороне приватизации, призванной обеспечить продажу активов по «справедливой рыночной цене». Но для эффективного собственника, это — необходимое, но далеко не достаточное условие. Соответствующее решение принимается рациональным хозяйствующим субъектом на основе сопоставления текущей рыночной стоимости актива с суммарным дисконтированным потоком возможных доходов от него в будущем. Иными словами, он стремится продавать те активы, текущая рыночная цена которых «перевешивает» будущие выгоды, и продолжает держать активы, в отношении коих складывается прямо противоположная ситуация.

Отсутствие должного внимания к этим вопросам не может не наводить на мысль: «приватизационная идеология» зиждется исключительно на вере в то, что пресловутый «уход государства из экономики» автоматически приведет к взлету эффективности, усилению конкуренции и повышению инвестиционной привлекательности российской экономики. Но такая вера носит иррациональный характер. Чудодейственная мощь передачи государственных активов в частные руки, как показали многочисленные исследования, проведенные и в России, и за рубежом, не подтверждается имеющимся мировым опытом. Ситуация усугубляется тем, что современный крупный российский бизнес в общем случае отличается далеким от совершенства состоянием системы корпоративного управления, гипертрофированием текущих интересов в ущерб стратегическими, неутолимимым стремлением к применению схем «оптимизации» (минимизации) налогов. Неудивительно, что после объявления правительственных приватизационных планов международное агентство «Fitch» заявило: в случае приватизации российских компаний с госучастием их рейтинг упадет. При этом факты серьезного контроля крупнейшие транснациональные

крупнейших проектах на территории нашей страны сохранением государства в качестве главного акционера в российской компании-партнере.

Рациональный подход к принадлежащим государству активам должен строиться на сугубо прагматичной, неидеологизированной основе, и суть здесь в следующем: Управление принадлежащими государству активами оставляется за федеральной исполнительной властью только в отношении стратегически значимых компаний. Государство в таком случае признает, что важность решаемой задачи «перевешивает» проблемы, связанные с конфликтом интересов, неизбежно сохраняющимся, коль скоро регулятор одновременно выполняет и функции собственника. Крайне важно, чтобы соответствующие решения были тщательно обоснованы и абсолютно прозрачны.

Необходимо принять адекватные меры по обеспечению интересов исполнительной власти в советах директоров «смешанных» акционерных компаний. Ключевая фигура здесь — поверенный государства, а не независимый директор (предназначение же последнего, согласно современной мировой корпоративной практике, заключается не в собственно управлении чужим капиталом, а в общественном контроле того, как этот капитал управляется). Отсюда и актуальнейшая неотложная задача — наполнение статуса поверенного реальным содержанием: он должен прежде всего беспрепятственно и оперативно получать информацию от соответствующих органов власти и взаимодействовать с ними. Надлежит также предусмотреть меры, направленные на обеспечение прав советов директоров компаний с участием исполнительной власти по эффективному выполнению своих функций (включая функцию создания независимых от менеджмента компактных аппаратов советов).

Не следует исключать и непосредственное участие исполнительной власти в приватизации находящихся в ее управлении госактивов. Так, вполне эффективным мыслится механизм, согласно которому органы этой власти продают на рынке подготовленные ими к функционированию в коммерческом режиме объекты инфраструктуры, а вырученные средства инвестируют в создание новых ее объектов («револьверные инвестиции»). Разумными могут быть и продажи исполнительной властью активов с целью мобилизации денежных средств, предназначенных для финансирования из госбюджета разовых проектов, имеющих особую народнохозяйственную значимость.

Для преодоления конфликта интересов «государства-регулятора» и «государства-собственника» в отношении госактивов, функционирующих в коммерческом режиме, стоило бы провести следующие преобразования, направленные на институциональное разделение указанных функциональных назначений государства. Функции регулятора должны остаться за федеральным правительством, а функции собственника предлагается сосредоточить в полностью принадлежащей государству холдинговой структуре (системе холдинговых структур), выведя ее из непосредственного подчинения исполнительной власти. Задача холдинга — максимизация чистой стоимости его активов на долгосрочную перспективу, в связи с чем он призван направлять своих представителей в составы советов директоров компаний, в коих ему принадлежат крупные пакеты акций, и ориентировать их исключительно на достижение соответствующими фирмами наилучших в коммерческом плане результатов. На фирмы, в капитале которых будет представлена холдинговая компания, должны распростра-

Предлагается также рассмотреть проблему целесообразности передачи принадлежащих государству природных ресурсов (земли, недр) в управление особой госкомпанией, функционирующей в коммерческом режиме. Основание для такой постановки вопроса заключается в том, что природная рента, сопутствующая собственности на землю и недра, есть один из факторных доходов, формирование которых в обычных условиях — сугубо рыночный феномен. Можно ожидать, что уход от универсально-налоговой формы в пользу селективно-рентной позволит посредством применения конкурентных процедур точнее учитывать специфические характеристики отдельных участков земли и недр. Специальная компания, отличная от упомянутого выше холдинга, представляется полезной только потому, что ей пришлось бы оперировать с активами, которые государство готово предоставлять частному сектору исключительно на арендных началах.

О. Богомолов. О налоговом маневре в связи с переходом к прогрессивному обложению доходов физических лиц. Еще в декабре 2011 г. была заявлена необходимость «внимательно проанализировать ситуацию по конкретным отраслям, сделать расчеты, чтобы ликвидировать существующую сегодня значительную дифференциацию налоговой нагрузки между секторами экономики». Действительно, при одной и той же налоговой нагрузке по ВВП в России и в развитых странах аналогичная нагрузка на юридических лиц у нас в 1,8 раза тяжелее. Причем в связи с более высокой долей заработной платы в обрабатывающих отраслях налоговая нагрузка по налогооблагаемой прибыли в 1,5–2,0 раза выше в сравнении с отраслями сырьевыми.

Снижение налогообложения предпринимательской деятельности может быть компенсировано введением (вместо «нейтрального», с «плоской» 13-процентной шкалой, налога) прогрессивного налога на доходы граждан как физических лиц, который стал органичным элементом финансово-экономической жизни подавляющего большинства государств мира. Основная масса налоговых поступлений в ведущих капиталистических странах приходится на физические лица, в первую очередь — на состоятельных граждан. В России же, наоборот, более 70% налоговых сборов приходится на юридические лица, что, естественно, подавляет деловую и инвестиционную активность. При этом чистый доход значительной части с физических лиц сегодня в преобладающей степени связан не с заработной платой, а с доходами от собственности, облагаемыми по более низкой, 9-процентной ставке. В России «незарплатные» доходы у наиболее состоятельных граждан страны, к которым относится 20% населения, составляют 65% их общих доходов, а в Москве — 90%.

Понятно, что обложение высокими налогами сверхдоходов соответствующих категорий россиян мало повлияло бы на потребительский спрос, но облегчило бы фискальную нагрузку на инвестиционную деятельность, которая осуществляется в основном за счет амортизационных отчислений, прибыли юридических лиц и кредитов. Отдавая государству увеличенную часть индивидуальных доходов, предприниматели все равно бы выигрывали бы на росте инвестиций и активов.

Введение прогрессивной шкалы по налогу на физические лица с наивысшей ставкой в размере 40% обеспечит рост доходов бюджета на 5 трлн. руб. (только обложение 130 долларовых миллиардеров России НДФЛ с такой ставкой увеличит бюджетные доходы на 1,1 трлн. руб.). Это позволит освободить от обложения значительную часть реинвестируемой прибыли предприятий, нарастить амортизацию до уровня ре-

необходимо законодательно установить контроль за расходованием амортизационных средств. Половина последних, начисленных в 2012 г. в размере 4 трлн. руб., была потрачена не на развитие, а на финансовые вложения, т.е. оказалась сопряжена с приобретением ценных бумаг, предоставлением займов и другими подобными операциями. В результате и объем инвестиций оказался на 13,7% меньше возможного, и государство недобрало в бюджет 400 млрд. руб. по налогу на прибыль.

Переход к начислению амортизации не по оценке основных фондов в смешанных ценах, а по восстановительной стоимости позволит увеличить инвестиции в основные фонды на те же 5 трлн. руб., компенсируемые бюджету по линии введенного прогрессивного подоходного налога (при подобных условиях объем таких вложений за 2012 г. составил бы не 12,6 трлн., а 17,8 трлн. руб., их доля в ВВП повысилась бы с 20,1 до 28,7%, а темп прироста увеличился до 5–6%). Если же в дополнение к этим мероприятиям будут нормативно сокращены сроки обновления основных фондов (предыдущее сокращение пришлось на 2002 г.), то эффект по наращиванию инвестиций в основные фонды и ускорению темпов роста ВВП окажется еще более масштабным.

Дополнительные резервы роста производства может дать изменение налогообложения добавленной стоимости, которое сегодня стимулирует сырьевую ориентацию отечественной экономики и снижает ее конкурентоспособность в рамках Таможенного союза (по отношению к Казахстану). Ради упрощения налоговой системы и сокращения расходов на ее администрирование, равно как и для усиления противодействия уклонению от налогов и стимулирования деловой и инновационной активности, представляется необходимым заменить налог на добавленную стоимость (НДС) гораздо более простым в администрировании налогом с продаж (НсП), взимаемым только на стадии конечного потребления. Выпадение доходов бюджета, возникающее при отмене НДС, может быть компенсировано посредством введения НсП с 14-процентной ставкой. Отмена, о которой идет речь, кроме того, приведет и к экономии более 1 трлн. руб. на госзакупках, высвободит для производственной деятельности до 1 млн. бухгалтеров, не говоря уж о высвобождении для производственных же целей оборотных средств предприятий.

С. Глазьев. О мерах по обеспечению безопасности экономики России, по деофшоризации, сокращению нелегального вывоза капитала и борьбе с уклонением от налогообложения. Итоги кризиса-2008—2009 гг. выявили запредельно высокую зависимость отечественной экономики от мирового финансового рынка, регулирование которого осуществляется дискриминационными для России способами, включая занижение кредитных рейтингов, предъявление неправомерных требований по открытости внутреннего рынка и жестким финансовым ограничениям, навязывание механизмов неэквивалентного внешнеэкономического обмена. В результате страна ежегодно теряет более 100 млрд. долл., причем около 60 млрд. уходит из страны в форме сальдо по доходам от иностранных кредитов и инвестиций, а примерно 50 млрд. — это нелегальный вывоз капитала, т.е. его «утечка». Накопленный ее объем достиг 0,5 трлн. долл., что в сумме с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) российских резидентов дает около 1 трлн. долл. вывезенного капитала. Потери доходов бюджетной системы вследствие утечки капитала составили в 2012 г. 839 млрд. руб. (1,3% ВВП), а общий объем ее потерь вследствие офшоризации экономики, утечки капитала и других операций по снижению ст. налогов составил 1,5 трлн. руб. (1,8% ВВП).

Особую угрозу национальной безопасности в условиях усиливающейся глобальной нестабильности создает сложившаяся ситуация с регистрацией прав собственности на большую часть крупных российских негосударственных корпораций и их активов (до 80%) в офшорных зонах, где осуществляется львиная доля операций, связанных с оборотом этих компаний. На такие зоны приходится около 85% накопленных ПИИ, как пришедших в Россию, так и ушедших из нее. Нарастающая эмиссия необеспеченных мировых валют создает благоприятные условия для поглощения переведенных в офшорную юрисдикцию российских активов иностранным капиталом, что серьезно угрожает экономическому суверенитету страны.

Нарастание указанных выше угроз сверх определенных (критически-«пороговых») параметров требует в кратчайшие сроки реализовать сложный комплекс мер по обеспечению экономической безопасности России в условиях нарастающей глобальной нестабильности. *Первая составляющая* этого комплекса касается *деофшоризации и прекращения незаконного вывоза капитала*, в связи с чем предлагается следующее.

1. Законодательно ввести понятие «национальная компания», удовлетворяющее таким требованиям, как наличие регистрации и налогового резидентства (при отсутствии у соответствующих резидентов аффилированности с иностранными лицами и юрисдикциями), а также осуществление основной деятельности в России. Только национальным компаниям и российским гражданам-резидентам следует предоставлять доступ к недрам и другим природным ресурсам, госзаказам, госпрограммам, госсубсидиям, кредитам, концессиям, к собственности и управлению недвижимостью, к жилищному и инфраструктурному строительству, к операциям со сбережениями населения, а также к другим стратегически важным для государства и чувствительным для общества видам деятельности.

2. Обязать конечных владельцев акций российских системообразующих предприятий зарегистрировать свои права собственности на них в российских регистрах, выйдя из офшорной «тени».

3. Заключить соглашения об обмене налоговой информацией с офшорами, денонсировать имеющиеся соглашения с ними об уходе от двойного налогообложения (включая Кипр и Люксембург, являющиеся транзитными офшорами), регламентировать единый перечень офшоров, в том числе находящихся внутри оншоров.

4. Законодательно запретить перевод активов в офшорные юрисдикции, с которыми не заключены соглашения об обмене налоговой информацией по модели транспарентности, разработанной ОЭСР.

5. Ввести в отношении офшорных компаний, принадлежащих российским резидентам, требования по соблюдению российского законодательства, предоставлению информации об участниках компании (акционерах, вкладчиках, выгодоприобретателях), а также по раскрытию налоговой информации для целей налогообложения в России всех доходов, получаемых от российских источников под угрозой установления 30-процентного налога на все операции с «не сотрудничающими» офшорами.

6. Сформировать «черный список» зарубежных банков, участвующих в сомнительных финансовых схемах с российскими компаниями и банками; отнеся операции с ними к разряду сомнительных.

8. Разработать президентскую программу деофшоризации российской экономики с учетом президентских же положений из посланий Федеральному Собранию 2012 и 2013 гг., указа № 596 от 7 мая 2012 г..

9. Обеспечить снижение налоговых потерь от несанкционированного вывоза капитала посредством: а) возмещения НДС экспортерам только после поступления экспортной выручки; б) взимания авансовых платежей по НДС уполномоченными банками при перечислении поставщикам-нерезидентам импортных авансов; в) введения штрафов за просроченную дебиторскую задолженность по импортным контрактам и за непоступление экспортной выручки, равно как и по другим видам незаконного вывоза капитала, в размере величины утечки.

10. Прекратить включение во внебюджетные расходы (уменьшающие налогооблагаемую прибыль) безнадежных долгов нерезидентов российским предприятиям, адресуя управляющим иски о возмещении ущерба предприятию и государству в случае выявления таких долгов.

11. Ужесточить административную и уголовную ответственность за незаконный вывоз капитала с территории государств-членов Таможенного союза, в том числе в формах притворных внешнеторговых и кредитных операций и уплаты завышенных процентов по иностранным кредитам.

12. Начать активную работу правоохранительных органов по распространению действия статьи 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» на доходы, полученные путем совершения налоговых преступлений и путем незаконного вывоза капитала, а также включение в состав налоговых преступлений неуплату налогов при наличии налогооблагаемой базы.

13. Ввести налоги на спекулятивные финансовые операции (планируемый в ЕС налог Тобина) и на чистый вывоз капитала.

14. Улучшить информационно-статистическую основу противодействия офшоризации экономики, утечке капитала и минимизации налогов, включая получение данных о платежном балансе и международной инвестиционной позиции от всех офшоров в страновом разрезе.

Вторая составляющая комплекса мер связана с *предупреждением дальнейших потерь российской финансовой системы вследствие неэквивалентного внешнеэкономического обмена и с нейтрализацией угроз дестабилизации внутреннего финансового рынка*. Соответственно рекомендуется следующее.

1. Развернуть единую информационную систему валютного и налогового контроля, включающую электронное декларирование паспортов сделок (с передачей их в базы данных контрольных органов) и задействование норм ответственности руководителей предприятий, допускающих накопление просроченной дебиторской задолженности по экспортно-импортным операциям.

2. В целях упорядочения финансового рынка: а) усилить надзор за финансовым состоянием профессиональных участников, ценообразованием и уровнем риска рынка; б) создать национальный расчетно-клиринговый центр; в) отрегулировать деятельность финансовых конгломератов и их агрегированных рисков.

3. Прекратить дискриминацию отечественных заемщиков и эмитентов при рас-

надежными и ликвидными, чем аналогичные обязательства резидентов и российского государства). Ввести отечественные стандарты деятельности рейтинговых агентств и отказаться в госрегулировании экономики от использования оценок иностранных рейтинговых агентств.

4. Прибегнуть к ограничениям объемов забалансовых зарубежных активов и обязательств перед нерезидентами по дериватам отечественных организаций, лимитировать вложения российских предприятий в иностранные ценные бумаги, включая облигации США и других государств с высоким дефицитом бюджета или госдолга.

5. Ввести процедуру заблаговременного предварительного уведомления об операциях по вывозу капитала, увеличить резервные требования к российским банкам по операциям в иностранной валюте, установить ограничения на рост валютной позиции коммерческих банков.

6. Ускорить создание центрального депозитария и организовать в его рамках учет прав собственности на все акции российских предприятий.

7. Нормативно закрепить обязательности первичных размещений российских эмитентов на российских торговых площадках.

Предложения по реализации *третьей составляющей* рассматриваемого комплекса, касающейся *наращивания потенциала и усиления безопасности российской денежной системы, упрочения ее положения в мировой экономике и придания рублю функций международной резервной валюты*, таковы.

1. Ускорить переход: во взаимных расчетах в СНГ — на рубли; в расчетах с ЕС — на рубли и евро; с Китаем — на рубли и юани. Рекомендовать хозяйствующим субъектам переходить на рублевые расчеты по экспортируемым и импортируемым товарам и услугам, предусматривая при этом выделение связанных рублевых кредитов государствам-импортерам российской продукции для поддержания товарооборота и используя в данных целях кредитно-валютные свопы.

2. Кардинально расширить систему банковского обслуживания расчетов в национальных валютах: между предприятиями государств СНГ — посредством Межгосбанка СНГ; с иными государствами — на основе использования возможностей контролируемых Россией авторитетных международных финансовых организаций (МБЭС, МИБ, ЕАБР и прочих).

3. Создать платежно-расчетную систему в национальных валютах государств-членов ЕврАзЭС. Разработать и внедрить собственную независимую систему международных расчетов, которая могла бы устранить критическую зависимость от подконтрольной США системы SWIFT. Включить в создаваемую систему банки России и государств-членов Таможенного союза и СНГ, а также Китая, Ирана, Индии, Сирии, Венесуэлы и других традиционных стран-партнеров.

4. Рекомендовать Банку России осуществлять рефинансирование коммерческих банков под рублевое кредитование экспортно-импортных операций, а также учитывать и отражать в своих ежегодных «основных направлениях денежно-кредитной политики» дополнительный спрос на национальную валюту в связи с расширением внешнеторгового оборота в рублях и формированием зарубежных рублевых резервов иностранных государств и банков.

5. Наладить биржевую торговлю нефтью, нефтепродуктами, лесом, минеральными

трансфертных цен для уклонения от налогообложения обязать производителей биржевых товаров продавать через зарегистрированные российским правительством биржи не менее половины своей продукции, в том числе поставляемой на экспорт.

6. Ограничивать зарубежные заимствования контролируемых государством корпораций, целенаправленно, постепенно и поэтапно добиваться замещения инвальных займов этих компаний рублевыми кредитами государственных коммерческих банков с помощью целевого рефинансирования последних со стороны БР под соответствующий процент.

7. Лимитировать предоставление гарантий по вкладам граждан в рамках системы страхования таких вкладов исключительно рублевыми вкладами с параллельным повышением для коммерческих банков нормативов обязательных резервов по вкладам в иностранной валюте.

8. Создать на базе Экспортного страхового агентства России Российское перестраховочное общество с использованием для наполнения уставного капитала этого общества гарантий «Внешэкономбанка» вместо прямых инвестиций; обеспечение новой структуре доминирующего положения на рынке перестрахования рисков резидентов.

9. Учредить Московский клуб кредиторов и инвесторов для координации кредитно-инвестиционной политики российских банков и фондов за рубежом, усилии по возвращению проблемных кредитов, выработки единой позиции по отношению к дефолтным странам-заемщикам.

Послесловие главного редактора¹. Подтверждая, конечно, намерение редакции публиковать продолжающие эту разработку и другие материалы экономистов-«альтернативщиков», хотелось бы, однако, напомнить, что на страницах журнала неоднократно выражались сомнения в принципиально «некорзинной» судьбе любых очередных серьезных, включая исходящие из РАН, обоснований альтернатив социально-экономическому курсу, проводимому во втором — четвертом постсоветских политических циклах². К глубокому сожалению, сомнения только упрочиваются новейшими «вестями с верхов». Так, 22 апреля текущего года, т.е. через месяц после присоединения Крыма и на фоне обострения ситуации в юго-восточных регионах Украины, в Москве состоялись два знаковых в рассматриваемом отношении взаимоотношений события. Это, *во-первых*, принятие по итогам проведенной главой государства «тайной экономической вечера» (в предельно узком составе, но с участием экс-«лучшего в мире министра финансов») решения о незыблемости «бюджетного правила», соответственно о нерасширении госинвестиций в развитие отече-

¹ В настоящем тексте выражено личное мнение кандидата экономических наук А.Ю. Мелентьева. «главредство» обозначено в качестве обычного (общепринятого для журнальных материалов) указания на место работы автора. Хотя он и пытается, естественно, опереться в обоснование своей позиции на многие публикации журнала, за соответствующие субъективные оценочные суждения по упоминаемым и цитируемым в послесловии лицам, как и члены редакционной коллегии, ответственности, разумеется, не несут.

² См., к примеру, редакционное послесловие к вышеупомянутому интервью С.Ю. Глазьеву «Стратегия 2020» — антимодернизационный документ» в № 2 за 2012 г. (в послесловии констатируется, в частности, что главные авторы этого документа, заказанного в начале 2011 г. премьер-

ственного народного хозяйства — даже в пределах планируемой девальвационной бюджетной выручки. Отсюда следует, что Россия в лице тщательно по персоналиям отобранной в федеральное правительство команды записных либералов (соратников и почитателей «ио» премьера первого постсоветского правительства³) будет, как и прежде, вкладывать «стерилизационно» изымаемые в «госкубышки» народные деньги в экономики стран НАТО (рядом из них выпускаются наиболее надежные в мире низкодоходные облигации), в том числе кредитовать под низкие проценты «товарища Волка», хотя он теперь еще и «ощетинился санкциями» (т.е. риски инвестирования в любые западные ценные бумаги для России резко возрастают)⁴.

Во-вторых, — оглашение премьером с думской трибуны следующего исключаящего какие-либо двусмысленности «месседжа»: «Политика правительства — это всегда продуманная и выстроенная система действий. Эта система действий одобрена президентом. Я не считаю правильным менять ее принципиальным образом. Было бы неверным и начать метаться из стороны в сторону, и пытаться придумывать некие новые принципы развития нашей экономики» (www.rg.ru/2014/04122/vlast-site.html).

Как в этом четко официально обозначенном ключевом контексте относиться к замелькавшим было в СМИ оптимистическим пассажам о «Крыме» как «импульсе к пересмотру экономической и социальной политики», «шансе на переворот в сознании и стратегии», «факторе отрезвления властей», и т.п.? В русле «продуманной, выстроенной и одобренной» невозможно модернизировать не то, что Россию (это

³ См. забавный (если бы не было так грустно) «репортаж» с состоявшегося в январе правительственно-околоправительственного мероприятия в РАНХиГС, поименованного «Пятым гайдаровским форумом», завершающий упоминавшуюся выше статью М.Г. Делягина в № 1 «Российского экономического журнала» за 2014 г.

⁴ Реализация «кубышечной философии» изначально (с начала 2000-х годов) отслеживалась в настоящем издании. Так, почти восемь лет назад в редакционной преамбуле к адресованной преподавателям разработке С.Ф. Сергиной «Стабилизационный фонд РФ: источники формирования, направления использования, макроэкономические функции (материалы к лекциям и семинарам)» констатировалось: «В последние годы в журнале опубликовано большое количество материалов, в существенной мере или специально посвященных сюжету о рационализации использования сверхвысоких бюджетных доходов от энерго-сырьевого экспорта в целях социально-экономического развития страны. Многие наши авторы (в том числе О. Богомолов, С. Глазьев, Р. Гринберг, В. Дементьев, А. Некипелов, Ю. Петров), аргументируя необходимость приоритетного задействования таких доходов в развертывании активной промышленной и сильной социальной политики государства, критиковали при этом линию на замораживание аккумулируемых им «нефтедолларов» в различных «кубышках», включая Стабилизационный фонд, на использование данных ресурсов не для инвестирования отечественных производств и социальной сферы, а для «льготного» кредитования стран-стратегических конкурентов России (в связи с вложением соответствующих средств — ради гарантирования их сохранности — в западные надежные ценные госбумаги)» (Российский экономический журнал. — 2006. — № 11-12. — С. 57). Однако хотелось бы решительно отмежеваться от следующего относительно недавнего оценочного суждения одного из ключевых участников той знаменитой макроуправленческой антикризисной команды, которая осенью 1998 — весной 1999 г. спасла страну от воспроизводственного коллапса и позволила национальной экономике дотянуть до начала повышения мировых цен на нефть (ставшего основой «поднятия России с колен»): «Создание нашего резервного федерального фонда, этих дырок в структуре экономики, где трубы лопаются, где скоро предприятия по производству энергии начнут останавливаться... А мы путем создания резервного фонда, придуманного якобы для будущего населения, просто латаем за свой счет дыру в

неопровержимо доказано ее без малого пятнадцатилетней ретроспективой, озаглавленной «ростом с антиразвитием», или «деградационным ростом», в конечном счете сменившимся «деградацией без роста»), но и, скорее всего, даже сам «черно морской подарок». К сожалению, вовсе не невероятными представляются и такие появившиеся в печати пессимистичные (противоположные упомянутым) прогнозы как становление нового коррупционного «анклава» (эксклава), социальное «обуванье» крымчан по отработанным на «коренных эрэфовцах» алгоритмам либертарианской социальной политики⁵ (на фоне развертывания сети казино) и даже сдача территорий «жемчужины» в аренду (концессию) китайцам («благо», некие намерения на сей счет экс-обладатель батона из золота в разгар «майданных» событий успел обсудить в Пекине). В этом контексте, наверное, нелишне принять во внимание и далекую от благополучия поствоенную эволюцию социально-экономической ситуации в Южной Осетии и Абхазии...

Очень не хотелось бы, конечно, реализации подобных прогнозов, в связи с чем нельзя не коснуться следующего сюжета. Сегодня многие толкуют о случившемся «крымском чуде» (и предвкушают «восточно-украинское чудо») главным образом в геополитическом аспекте и в плане «духовных скреп» (официально трактуемых кстати заметить, по возможности «десоветизированно»). Между тем *социально-экономически* подобные «чудеса» могут состояться лишь в качестве производных моментов, точнее, органических составляющих «общероссийского чуда» — возвращения России величия, а ее народу — достойной жизни. И речь, разумеется, идет о «величии» вовсе не «энергетическом» (фактически определяемом, не секрет, масштабами распродажи преимущественно в частных интересах невоспроизводимых об-

⁵ Перечень главных вех правовой институционализации этой политики во втором и третьем политических циклах [начиная с «продавленной» через парламент в 2000 г. 23-ей главы НК РФ (именившей «плоскую» шкалу НДФЛ) и включая такие направленные думской «фракцией власти» для «штемпелевания» документы антисоциального законотворчества, как ФЗ № 122 (2004 г.), ФЗ № 83 (2010 г.) и др.] приведен в редакционной преамбуле к статье: Б о б к о в В. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // Российский экономический журнал. — 2012. — № 2. Каждая из позиций данного перечня более или менее подробно раскрывалась нашими авторами, и, например, последняя из упомянутых «вех» была охарактеризована в статьях: М у х е т д н о в а Н. Очередная радикально-либералистская реформа социальной сферы: деструктивный потенциал «восемьдесят третьего». — 2010. — № 2; Д е л я г и н М. Система бюджетных учреждений: грядет сокрушительный реформационный удар. — Там же. А рядом авторов журнала аргументировалась позиция, согласно которой «приоритетные национальные проекты» явились: а) мелкотемными и «копеечными» (5–7-процентной прибавкой к недопустимому низкому госфинансированию социальной сферы); б) широкомасштабной пиар-акцией, временным камуфлировавшей реально продолжавшиеся системные радикально-либералистские посягательства на «социалку» и обеспечившей тем самым безэксцессное проведение операции «Преемник» на стыке второго и третьего политических циклов (см., в частности: Б а т ч и к о в С. Выдвижение «приоритетных национальных проектов» — шаг к долгожданной социальной переориентации реформационного курса? — 2005. — № 9-10; Г у м е р о в Р. О превращении развития агропромышленного комплекса в приоритет народнохозяйственного роста. — Там же; Г л а з ь е в С. Президентское послание-2006 Федеральному Собранию РФ: последуют ли за словами дела? — 2006. — № 5-6; президентском послании-2007 парламентариям, бюджете-2008—2010 и социально-экономическом курсе федеральных властей (размышления и оценки авторов журнала). — 2007. — № 7-8; Г р и н б е р г Р. О двух императивах предложенного реформационного курса (к выходу в свет монографии «...» // Российский экономический журнал. — 2008. — № 2016-1. — 2007

шенациональных природных богатств), а состоящем в способности мощного и высокодиверсифицированного народнохозяйственного организма выполнять крупные, крупнейшие и уникальные научно-технологические проекты, созидать многообразные мирохозяйственно конкурентоспособные наукоемкие системы. О «достойной жизни», в принципе немислимой на пресловутом «нефтегазовом «Титанике» (при любой, между прочим, концентрации на нем храмовых новоделов⁶).

Воспроизводимые в журнале и другие «альтернативные» стратегические разработки РАН⁷ и иных сохранившихся дееспособных научно-экономических центров концентрации «альтернативщиков» нацелены на осуществление именно такого «чуда» — на восстановление и современное развитие вещественного и личностного

⁶ Еще «между прочим»: очевидно созвучие вброшенного с вершины иерархии новых монополюстов на роль «духовных скрепоносцев» («по определению» не включающих в «ношу» советско-социалистический элемент) «дискурса» о «27 миллионах жертв» как «плате за десятилетия довоенного безбожия» с требованием радикальной десовитизации исторической памяти о Великой Отечественной войне (да и не только о ней) автора понятия и активного деятеля «Великой антисоциалистической революции 1989—1991 годов» [см. об этом: М е л е н т ь е в А. О войне, чести и бесчестии (еще раз о книге «Все для фронта, все для Победы!» и «совсекретной» публикации Г.Х. Попова) // Российский экономический журнал. — 2010. — № 6] — той самой, что превратила Россию в кровотокающий обрубок СССР и очередные кровавые же результаты которой теперь проявляются на Украине.

⁷ Кстати, в 2007 г. (в преддверии предыдущего политического цикла) «Российский экономический журнал» обстоятельно представлял тоже адресовавшийся руководству страны «альтернативный» (как реально проводившемуся социально-экономическому курсу, так и предложениям по дальнейшей радикализации его либералистской основы) академический доклад о концепции и программе социально-экономического развития России до 2015 г., впоследствии развернутый в почти одноименную книгу, которая в свою очередь послужила основой капитальной монографии «Стратегические ориентиры экономического развития России», выпущенной Институтом экономики РАН в 2010 г., к своему 80-летию [см.: Реформационный прагматизм как основа модернизации (резюме доклада «К концепции и программе социально-экономического развития России до 2015 года» группы ученых Российской академии наук). — 2007. — № 3; Г р и н б е р г Р. Указ. соч.; е г о ж е. Ведущий центр российской экономической науки: разворот исследований накануне второго десятилетия нового века (к 80-летию Института экономики РАН). — 2010. — № 3]. Сказались ли соответствующие рекомендации на априори объявленном «модернизационным» социально-экономическом курсе «тандела» в отличие, скажем, от суперлибералистских ИНСОРОВских [о них см., в частности: Л ю б и н и н А. Какие времена — такие и прогнозы (о докладе Института современного развития «Россия XXI века: образ желаемого завтра» и статье В.Н. Лексина «Либеральная Россия как реальность и как перспектива») // Российский экономический журнал. — 2010. — № 3]? Вопрос риторический.

Еще «кстати»: традиция представления настоящим изданием академических «альтернативных» исследований идет из «лихих 1990-х», т.е. лет первого постсоветского политического цикла, причем имеется в виду и следующий факт нашей «биографии». 18 лет назад журнал выступил издателем необычной книги: Реформы глазами американских и российских ученых. — М.: Российский экономический журнал, Фонд «За экономическую грамотность», 1996. В коллективную монографию, подготовленную российско-американской Группой экономических преобразований, вошли материалы трех нобелевских лауреатов — Л. Клейна, Дж. Тобиана и К. Эрроу (с учетом же того, что открывшее книгу «Заявления о намерениях...» Группы было подписано еще и В.В. Леонтьевым и Д. Нортон, число таких лауреатов — пять), американских профессоров М. Интрилигейтора, Л. Тейлора и М. Поумера, с одной стороны; действительных членов РАН Л.И. Абалкина, Г.А. Арбатова, О.Т. Богомолова, Д.С. Львова, В.Л. Макарова и Ю.В. Яременко, а также (на тот момент) докторов экономических наук С.Ю. Глазьева, Р.С. Гринберга, А.Д. Некипелова и Г.И. Шмелева, кандидатов экономических наук М.Ю. Ксенофонтова, Ю.А. Петрова и М.Н. Узякова, а также С.А. Бачикова, — с другой. «Настоящая книга, — подчеркивал, открывая предисловие к ней, титульный редактор О.Т. Богомолов, — объеди-

факторов производительных сил страны, разрушенных за почти четвертьвековой период радикально-либералистских реформ. В политэкономическом смысле научный поиск официально отвергаемых «неких новых принципов развития нашей экономики» есть поиск принципов не только «оцивилизовывания» российского дезиндустриализованного и во многом «варварского» капитализма, но и его «социализации», которая как объективная тенденция превращения на отечественной почве «некоторых основных свойств капитализма в свою противоположность (ленинский тезис) в конечном счете и так или иначе — раньше или позже, эволюционно или революционно⁸ — «с железной необходимостью пробьет себе путь» (марксова формула).

Это, конечно, особая, требующая специального анализа, тема, однако в данном случае принципиально то, что здесь просматривается предмет для подлинной (некапитулянтной) консолидации подавляющего большинства россиян. Имеются в виду, «те же» «тезисы» излагают, с очевидностью соответствующие потребностям реиндустриализации народного хозяйства, равно как и намечающимся «новоукладным» и прочим сдвигам в развитии производительных сил и их общественного характера, а также явно привлекательные для людей наемного труда (особенно после состоявшейся «проекции» на страну глобального кризиса капитализма) концептуально-программные идеи утверждения в России госрегулируемой и социально ориентируемой рыночной экономики — с задействованием в новых, главным образом индикативных формах разного горизонтного макропланирования (охватывающего макропрогнозирование, макропрограммирование, равно как и непрременное согласование народнохозяйственной и крупнокорпоративных стратегий), с проведением государством активной промышленной политики (предполагающей концентрацию его ресурсов и возможностей на априори определенных отраслевых и межотраслевых приоритетах развития индустриального комплекса и материального производства в целом) и организацией им широкомасштабных перераспределительных процессов, серьезных смягчающих доходно-имущественную дифференциацию населения (и ликвидиру-

несхода второго политического цикла), мы опубликовали созвучные друг другу соображения о значимости О.Т. Богомолова и нашего другого давнего автора — доктора экономических наук, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Куликова. И если первый, в частности, сообщил о безрезультатном обращении в 2000 г. ученых Группы к будущему лидеру государства с призывом о «новом старте реформ», то второй резюмировал свои комментарии следующим образом: «Сегодня приходится печально констатировать: идеи книги «успешно» игнорировались и игнорируются властями предрешенными, не желающими извлекать из недавнего прошлого уроки для настоящего и будущего. И это не может не сказываться на происходящих в стране социально-экономических процессах, не уменьшая шансы России на модернизацию» (Российский экономический журнал. — 2006. — № 11-12, С. 75—77).

⁸ Имеется в виду возможность очередной буржуазной (точнее, как бы ни было дискредитировано доморожденными радикальными либералами понятие демократии, — буржуазно-демократической) революции. Что касается не затрагиваемого в настоящем тексте вопроса о собственно социалистической перспективе России, соответственно о «красной» революции, то некоторые, причем взаимноpoleмичные, соображения на этот счет высказаны в нашей позапрошлогодней экспериментальной «дабл-публикации» авторов-марксистов, непосредственно посвященной теме вступления страны к ВТО [см.: Ф р о л о в А. По горячим следам (сюжет «Россия и ВТО» через призму марксистских подходов к дихотомии «фритредерство — протекционизм») // Российский экономический журнал

ющей феномен «двух России»), с табуированием модели «экономики дешевого работника» (а значит, — с обеспечением кратного, до уровня стоимости сложной, модернизационно дееспособной, рабочей силы, повышения зарплатных доходов), исключением практики «экономии на социалке» и признанием социальных расходов приоритетными.

Наработанный учеными-«альтернативщиками» идейный «контент» категориально-терминологически резюмируется по-разному (как по-разному идентифицируются и самоидентифицируются его авторы⁹), но суть его все-таки сопряжена с адекватным отображением объективной тенденции «социализации» российского капитализма¹⁰. А потому он («контент»), будучи, стоит повторить, априори привлекательным для большинства населения (т.е. «популярным» в изначальном, не вульгаризированном смысле этого слова — в противоположность заведомо «непопулярному» радикально-либералистскому дискурсу), представляется потенциально ключевым ресурсом партий и движений левой и левоцентристской составляющих политического спектра России в легитимно-электоральном оппонировании нынешнему «бонапартистскому» (применяя не «ругательную», а идущую от Маркса политологическую категорию)

⁹ Так, видный представитель академических «альтернативщиков» позиционирует их как носителей «леволиберальной» идеи (или как «либералов-прагматиков», противостоящих «радикальным», «идеологизированным» либералам), соответственно квалифицируя критикуемый ими нынешний социально-экономический курс государства в качестве «праволиберального». «Новый тип экономической политики — леволиберальный, — пишет он о «новой парадигме экономического развития в интересах большинства населения», — призван включать в себя реиндустриализацию экономики посредством активной структурно-промышленной политики и стратегического макропланирования (индикативного), введение прогрессивной шкалы налогообложения личных доходов, значительные преференции для «среднего класса», увеличение в два—три раза бюджетных расходов на образование, науку, здравоохранение и культуру» (Г р и н б е р г Р. О новой «большой приватизации» и прочих «непопулярных реформах» // Российский экономический журнал. — 2012. — № 3. — С. 31—32).

¹⁰ В публикациях академиков-«альтернативщиков» обнаруживается и такой содержательно-категориальный аналог «социализированного» капитализма (правда, тождества здесь нет), как *капитализм «современный»*: «Вечный поиск равновесия между стремлением человеческой природы к свободе и независимости, с одной стороны, и к социальной справедливости и солидарности, — с другой, будет (по крайней мере, в обозримом будущем) проходить в рамках такого социального устройства, которое мы обычно называем современным капитализмом» (Н е к и п е л о в А., О р л и к И. Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века // Российский экономический журнал. — 2002. — № 1. — С. 118). Опуская некоторые теоретические выкладки, можно говорить о признании и применяющихся второе словосочетание авторами объективной тенденции «превращения некоторых основных свойств капитализма в свою противоположность», реализуемой хотя бы в устойчивом (вытекающем из модернизационного императива воспроизводства сложной рабочей силы) осуществлении государством крупномасштабных социально выравнивающих перераспределительных процессов, устойчиво же нарушающем действие свободно-конкурентных рыночных механизмов. Применительно к предмету настоящего послесловия здесь важно то, что процитированная максима создает минимально приемлемую основу для идейно-теоретического блокирования ученых-«леволибералов» (являющихся действительными центристами) с «собственным левыми» (марксистами, признающими перспективу формационного бытия посткапиталистического общества с его неперменной первой, социалистической, фазой) против «праволибералов» («радикальных либералов»), реально контролирующих ныне госструктуры управления российской экономикой. Еще одна категория в качестве основы такой смычки — «социальное государство», одна из попыток марксистской интерпретации коего (как предельно возможной «социализации» капитализма без утраты капиталистического качества) пред-

режиму¹¹, который стремится лавировать между социальными стратами (отсюда, в частности, — практика «социальных подачек», всей мощью госпропаганды выдаваемых за проявление сильной и ответственной социальной политики¹²), но опирается на «олигархат», прежде всего нефтегазовый, и «амальгамируется» именно с ним. Умелое задействование этого мощного интеллектуального ресурса такими политическими силами, наверное, могло бы нереволуционным путем обеспечить искомым перелом в государственной социально-экономической стратегии.

Но способна ли на подобного рода теоретические заимствования, скажем, нынешняя главная «системно»-оппозиционная левая партия, не оставляющая попыток сконструировать «концепцию русского социализма, который соединит в себе древнюю культуру православия и технотронный порыв советской эпохи» (по-русски это — «сапоги всмятку») и безоговорочно поддерживающая в последние месяцы казенно-патриотическую пропаганду (а потому, в частности, «забывающая» подчеркивать, что далеко не столь скромные, как официально объявлено, средства для Крыма надлежит извлекать из «кошельков» не защищаемых ею «людей труда», пресловутой «амальгамы»¹³)? Вопрос опять-таки риторический.

¹¹ О конкретизации В.И. Лениным этой категории применительно к российским историческим реалиям 1907—1911 гг. см., например: Ф р о л о в А. Последняя судорога самодержавно-помещичьей системы (преобразования П.А. Столыпина через призму ленинских оценок) // Российский экономический журнал. — 2012. — № 3. Между прочим, «в пару» с этой статьей была помещена аналитико-фактологическая (абсолютно «деполитизированная») статья Р.Р. Гумерова «По поводу столыпинской аграрной реформы и ее постсоветского аналога», автор которой радикально расходится в оценках эффективности обеих составляющих предмета своего исследования с самым известным в стране поклонником Петра Аркадьевича.

¹² С общетеоретических позиций этот сюжет обстоятельно и многоаспектно комментировался в частности, в статье: К у л и к о в В., Р о и к В. Социальная политика как приоритет и приоритет социальной политики // Российский экономический журнал. — 2005. — № 1. В качестве конкретного примера распиаренной «социальной подачки» в настоящем издании указывалось на знаменитое требование постигнагарационного президентского указа № 597 «О мерах по реализации государственной социальной политики» относительно доведения уровня оплаты труда врачей, школьных учителей и ряда других категорий персонала бюджетных учреждений до «средней заработной платы по региону» [см., в частности, редакционные преамбулы к материалу «Официальная и альтернативная версии федерального бюджета-2013: продолжение «сказки про белого бычка» (комментарии О. Д м и т р и е в о й и Д. У ш а к о в а)» в № 5 за 2012 г. и к вышеназванной публикации «Бюджете-2014 в № 6 за 2013 г.]. См. также «серьезные оговорки», едва ли не перевешивающие формально позитивную авторскую оценку данной установки (воспроизведенной применительно к школьным учителям в новом образовательном законе), в пространном интервью: С м о л и н. Законодательное воплощение идеологии «мертвого» образования (к вступлению в силу ФЗ № 27) // Российский экономический журнал. — 2013. — № 4.

¹³ В данном контексте уместно, очевидно, напомнить, с одной стороны, о содержащейся в помещенном выше тексте О.Т. Богомолова оценке, согласно которой одно только введение прогрессии по НДФЛ с максимальной 40-процентной ставкой обеспечило бы рост бюджетных доходов в объеме 5 трлн. руб., причем лишь соответствующее обложение 130 долларовых миллиардов России, — более триллиона. С другой, — о принципиальном отношении адресата этого текста к проблеме «плоская—прогрессивная» шкалы» (см.: Б о л д ы р е в Ю. О президентском послании 2012 парламентариям и не только о нем // Российский экономический журнал. — 2012. — № 6. С. 10—12, 21).